

КАТЯ КАЧУР

Читайте книги
КАТИ КАЧУР

Капля духов в открытую рану

Любимчик Эпохи

Ген Рафаила

Желчный ангел

Энтомология для слабонервных

КАТЯ КАЧУР

ЭНТОМОЛОГИЯ
ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Ответственный редактор *А. Цыганкова*
Оформление серии *Е. Петровой*

Качур, Катя.

К30 Энтомология для слабонервных : роман в рассказах /
Катя Качур. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-215233-7

История рода Гинзбургов начинается в зное послевоенного Ташкента, где ароматы восточного базара смешиваются с запахами коммунальной кухни. Здесь взрослые спорят и плачут в тесных комнатах, а дети играют в сырников и расследуют настоящее убийство. Семейная хроника ведет читателя дальше, через самарское село и холодный север в Москву, отражая историю страны: от послевоенной разрухи до тревог нового тысячелетия....

«Энтомология для слабонервных» — роман в рассказах, и каждый рассказ — как редкий экземпляр в коллекции увлеченного энтомолога: вот нежный шелкопряд хрупкого детства, вот трепетная стрекоза первой любви, а вот целый улей семейных страсти во главе с пчелиной маткой-прабабкой.

Здесь детективные тайны раскрывают дети, деревенская идиллия хранит отголоски войны, а тихая лирика отзыается глубокой драмой. Все вместе эти истории складываются в большую прозу о судьбах и смене эпох, о любви и материнстве, выборе и дружбе, обо всем, что делает семью — семьей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215233-7

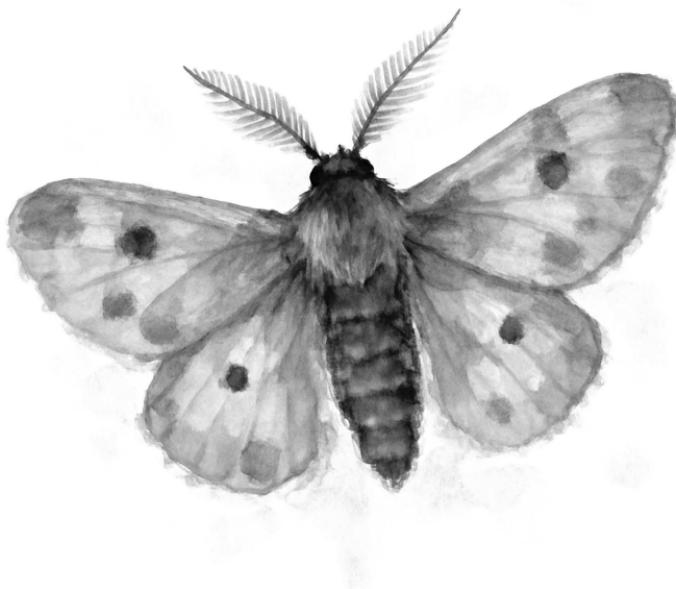
© Качур Е., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я помню запах каждого лета в своей жизни. Даже в лютые морозы я слышу, как благоухает июнь, как дурманит июль, как щекочет ноздри спелый август, как запоздало цепляется к вечному празднику увядающий сентябрь. Я вижу развитие природы в цикличности жизни насекомых. Я — энтомолог, учёный с мировым именем. У меня сотни собранных коллекций. Эндемики, космополиты, реликты, синантропы. Будете смеяться, но я храню в памяти каждый экземпляр: где пойман, в какой местности, в какой день, час, при каких обстоятельствах. Что делали в этот миг моя мама, мой папа, моя бабушка, моя старая прабабка. Качали меня в колыбели, ждали из экспедиций, разыскивали по всему миру, находили, обнимали, пили чай, ели беляши, хохотали, рассказывали байки. О, мифы и легенды моей семьи — это отдельные страницы, нет, сборники, тома, фолианты... И каждое сказание — перл, крупная жемчужная бусина на золотой нитке воспоминаний. А для меня, «чокнутого зоолога», как шутят до сих пор мои дети, это коллекция с отборными особями класса Insecta. Одна особь — одна история. А вместе они собраны в мой бесконечный учебник жизни. В мою хрестоматию. В мою личную «Энтомологию». Если вы сентиментальны и слабы нервами — вам стоит это почитать. Поплачьте. Помейтесь. Посомневайтесь. Поверьте на слово. Для пущей документальности подброшу вам старую тетрадку стихов от женщин моей семьи. Не карайте, не судите строго. Это о любви. Жестокой, прекрасной, всепоглощающей...

Ваша О. Г.

**ВИНЬЕТКА
ТУТОВОГО
ШЕЛКОПРЯДА**

Голова

Как только Аркашка Гинзбург продрался сквозь за-саленные юбки молочниц и окровавленные штаны мясников, его пробил сильнейший озноб. В проёме двери рыночного туалета, во второй дырке от входа виднелась мёртвая мужская голова с приоткрытым ртом и глазами, залепленными отвратительной коричневой жижей. Хозяин головы находился ниже уровня досок, на которые люди вставали ногами перед тем, как спустить штаны. Аркашка, покрываясь гусиной кожей, сделал ещё несколько шагов и оказался внутри общественной уборной. Теперь ему было видно лицо утопленника — оно скорбело, на залитых человеческими испражнениями губах застыла горькая усмешка. Ледяная игла пронзила Аркашким позвоночник и вышла из затылка, притягивая к себе волосы. Кто-то толкнул его в спину, и он упал на колени, оказавшись нос к носу со зловонным покойником. Аркашка попытался вскочить на ноги, но его тело будто парализовало. Он хотел зажмуриться, но глаза предательски уставились на прилипшие ко лбу мертвеца волосы и жёлтые зубы, обнажённые в левом углу рта. Сзади Аркашку схватили за резинку на штанах и выволокли на улицу, пинком под зад придав направление его полёту. Ударившись головой о лоток с арбузами, он очнулся, и звенящую тишину его ужаса наконец прорвали крики толпы. Женщины выли, мужчины о чём-то громко спорили.

— Ну что, видел жмурика в говне? — к Аркашке подскочил одноклассник Лёвка Фегин.

Он попытался ответить, но тугая волна подступила к горлу и выплеснулась наружу маминым форшмаком. Лёвка Фегин ловко отскочил, замарав только носок жёваного ботинка.

Вечером у Аркашки поднялась температура. Бывший полевой врач дядя Додик — сосед по маленькой четырёхкомнатной квартире в кирпичном доме на улице Полторацкого — прохладной сухой ладонью убрал со лба мальчика вспотевшие волосы и, обернувшись к матери, грустно произнёс:

— В этом мире нельзя быть таким впечатлительным, Бэлла.

Аркашка Гинзбург был впечатлительным. Он знал за собой этот грех и ничего не мог поделать. Под лысой головой с огромными ушами, растущими строго перпендикулярно черепу, скрывался могучий на выдумки мозг. Он домысливал едва увиденное и услышанное до мельчайших деталей: будь то рассказ болтуна Лёвки Фегина или математическая формула, выведенная на доске Людмилой Ивановной.

— Величайшего ума мальчик, — говорила Людмила Ивановна матери, навещая Аркашку в момент острой пневмонии, — только болеет часто. Скажите спасибо, что в век пенициллина живём — иначе бы труба! И знайте, — она понижала голос до шёпота, — он станет академиком! Или будет в правительстве сидеть!

Бэлла Абрамовна Гинзбург вздыхала, а у Аркашки перед глазами вставали плакаты членов Политбюро во главе со Сталиным, которыми были увешаны стены его ташкентской школы и расцвечены первые страницы учебников. Он буквально наяву видел, как Лёвка Фегин открывает литературу за третий класс и с тыльной стороны обложки между Молотовым и Ворошиловым обнаруживает его, Аркашкино, ушасто-лысую голову.

— А ты говорил, в ЦК — специально сделанные люди, — подденет Леночки из соседней девчачьей школы, — а вот он, Аркашка, сидел во дворе с нами, а теперь сидит там, — и возденет глаза к небесам, закатывая зрачки и являя миру тыльную сторону своего белейшего ока с сечкой розовых сосудов.

Лёвка фыркнет, обмакнёт перо в чернила и начнёт с усилием рисовать на Аркашкой фотографии очки, бороду и рога.

В этот момент Гинзбург ёжился и ощущал, как кожу на лбу и возле носа царапает развоенное перо, а чернила противно въедаются в поры. К вечеру на его лице возникла красная сыпь, по форме напоминавшая очки.

На этот раз Аркашку трясло. Он представлял, как тонет и захлебывается в гуще испражнений, отплёвываясь и глотая отвратительную фекальную массу, которая наполняла желудок и лёгкие, как бочковое пиво папику военную флягу. Мама готовила что-то вкусное на керогазе. В комнату, постучав, попытался войти Гриша — красивый, статный мужчина, служивший, как и отец, военпредом на авиационном заводе. Он открыл дверь и споткнулся о раскладушку, на которой разметался Аркашка, перегораживая вход. Обычно раскладушку ставили поздно вечером, когда все ложились спать, и убирали с подъёмом. И лишь во времена Аркашкиных болезней её не складывали даже днём.

— Бэллочка, насыпь соли жмень, — обратился Гриша к матери, перешагивая через Аркашко ложе, — а ты что, малой, опять киснешь? — подмигнул он пацану.

— Дядя Гриш, посиди со мной, — хриплым голосом попросил Аркашка, — мне страшно.

— Чего? — присвистнул Гриша.

— А ну всех начнут в туалетах топить? — Аркашка натянул одеяло до уровня глаз.

— О, началось! Тебя точно не утопят.

— Почему?

— Ты же отличник, октябрёнок, пионером вот-вот становишься, тебя-то за что?

— А его за что?

— Наверное, плохо учился, выгнали из комсомола, — предположил Гриша.

— Гриня, а правда, что слышно? — переспросила мать, протягивая ему соль в бумажном кульке.

— А я знаю? Поди, шобла бандитская порешила, перебежал дорожку кому-нибудь. Ранение у него ножевое в боку оказалось.

— Личность-то опознали?

— Да, отмыли, десять вёдер воды вылили, старлей из районной милиции вроде опознал — вор он, проходил по краже в доме Харузовых как соучастник, да не хватило улик, чтобы посадить.

Гриша подмигнул Аркашке и вышел в коридор, неровно стучая сапогами — осколки немецкого снаряда, раскроившие бедро, сделали его походку неустойчиво-раскосой.

За стеной послышались гортанное пение и смех — проснулась сумасшедшая Лида. Через десять минут из щелей потянуло чем-то горелым.

— О! Мишигине¹ снова кашу сожгла, — вздохнула мать, — придёт тот день, когда она нас всех спалит, помни моё слово!

У матери Лида всякий раз вызывала брезгливый страх: своим горящим безумным взглядом, рыхлым бесформенным телом, абсолютно белой прозрачной кожей и полным отсутствием бровей, да и вообще любой растительности на теле. Кроме светло-пшеничной косы и белёсых ресниц у неё не было ни одного волоска ни на руках, ни на ногах. Из-за этого Лида казалась чем-то средним между ангелом и лягушкой-альбиносом. Всем недовольным Лида совала в нос потрёпанную бумажку, где неразборчивым почерком

---

¹ Мишигине — сумасшедшая (искаж. идиш).

на латыни было что-то написано и стояла фиолетовая печать. По факту это означало, что она официально признана дурой и может делать всё, что заблагорассудится. Сколько Лиде лет — не знал никто. Предполагали, от восемнадцати до сорока. Раньше за ней ухаживала родная тётка, кормила, одевала, водила за руку по улицам, заходила в лавки и на рынок. Лида всегда ржала, как лошадь, задирая верхнюю губу и обнажая красивые перламутровые зубы, она любила внимание, и чем больше в неё тыкали пальцем, тем громче смеялась. Впрочем, вскоре к Лиде привыкли. Женщины на рынке часто совали ей в карман фартука конфеты, изюм, яблоки. Пацаны — какашки, камни и жуков. Лида была одинаково рада и тому и другому. Мужики не упускали возможности ущипнуть её за дебелый зад и пухлые, болтающиеся под цветастым ситцем груди. Её безумие их возбуждало. Нередко, в байках между собой, они имели Лиду и так и эдак, но дальше слов не заходило — родственница охраняла её, как сторожевая собака. Умерла тётка в одночасье. Лида осталась одна, шефство над ней неформально взяли соседи по квартире — жильцы четырёх комнат, среди которых были семья Гинзбург, Гриша и врач дядя Додик. Её перестали выпускать на улицу, покупали продукты на государственное пособие и с каждого обеда оставляли куски — то пирог, то рыбу, то плов, то кашу. И Лида, всякий раз подогревая еду на примусе, наполняла двор запахом гари.

— Ма, можно я к Лидке пойду червей кормить? — ожидался Аркашка, учゅяя знакомую вонь, — мне уже лучше!

— Что у вас общего с этой мишигинской женщиной, не могу взять в толк, — проворчала мать, — иди, только раскладушку сложи с прохода, пока мы все тут ноги не переломали... И сними с примуса её кастрюлю, если она ещё жива...

Уже через пять минут Аркашка был во дворе своей школы под тутовниками, высаженными в ряд по периметру забора. Подпрыгнув, он подцепил нижнюю ветку и начал

обрывать листья, погружая их в край рубашки, завёрнутой на животе. К Лиде прибежал вспотевшим, радостным, забывшим про голову и кошмарныеочные видения.

— Аргаша пришёл... — заулыбалась рыхлая Лида, впуская соседа в комнату, — ягоды принёс?

— Лид, ягоды в августе закончились, каждый раз тебе говорю. — Аркашка деловито прошёл в угол, где на сундуке стояли три коробки из-под обуви, в которых на зелёной подстилке из листьев разной свежести копошились серовато-блестящие червяки тутового шелкопряда. Они с Лидой сели на пол, Аркашка аккуратно разложил по коробкам сорванные листья.

— Уууу, мои кецелы¹, — засмеялась Лида, вороша червяков белыми пальцами с розовыми прозрачными ногтями. Одного из них, самого жирного с серыми бородавками на тельце, она поднесла к пухлым губам:

— Глаааденький, нееежный такой! — и протянула его Аркашке.

Он аккуратно двумя пальцами принял шелкопряда из её рук и тоже поднёс к губам.

— Ага, пахнет шелковицей! — блаженно произнёс Аркашка. — Назовём его Мусей.

— Муузяа! — попробовала на вкус это имя Лида и снова задрала верхнюю губу в лошадином смехе.

Мусю опустили на свежий лист, он деловито прикрепился задним своим концом к поверхности и изогнулся подковой.

— Сейчас начнётся, — произнёс Аркашка, и они замерли, словно перед титрами трофеиного фильма в городском кинотеатре.

Шелкопряд вгрызся в край листа и методично, с точностью ювелира, начал обкусывать зелёную плоть, оставляя за собой волнистую дугообразную линию.

---

¹ Кецелы — котята, хорошенъкие (искаж. идиш).

— Кушает, — с замиранием сердца произнесла Лида.

— Хрумкает, — подтвердил Аркашка.

Они соединились лбами над коробкой шелкопрядов, и Аркашке в нос ударил Лидкин запах — странный, чуть сладкий, чуть солёный, животный, не приятный, но и не противный. Запах исходил от её грудей, подмышек и вечно влажных кипенно-белых ладошек. Они уже два года вместе выращивали шелкопрядов, наблюдали, сидя голова к голове, весь цикл их земного существования, и когда червяки, впав в нирвану, наматывали вокруг себя космический конек, относили их на фабрику и получали вознаграждение. Как эти деньги делились между Лидкой и мамой, Аркашка наверняка не знал. Возможно, мама брала их себе и покупала «мишигине» новое платье или кастрюлю, потому что Лидка точно бы постирала купюры в тазу или отдала в окно подросткам за кружку пива. В любом случае поход на фабрику был для неё событием, и она долго потом вспоминала и рассказывала всем, как «вот этими ручками заработала себе копеечку».

— Скоро оденутся мои хорошие в белые одежды, получим денежку, куплю себе новое платье и выйду замуж за принца! — размечталась Лидка.

— А принц-то есть у тебя? — спросил Аркашка.

— Есть. Он мне колечко подарит, на море увезёт. И убьёт дракона. — Лидка любила заменять глухие согласные звонкими, за счёт чего её речь будто переливалась колокольчиками.

— Сама придумала? — уточнил Гинзбург.

— Он сказал. Он умный. Добрый. Я верю ему.

— Когда же ты с ним познакомиться успела?

— Не разгажешь никому?

— Зуб даю. Никто ничего не узнает. — Аркашка нетерпеливо дёрнул Лиду за юбку.

— Он ходит ко мне в окно ночью, — прошептала она на ухо, — и носит мороженое. Он любит меня.